

Андрей СОФРОНОВ

Слово вождя

Теперь вспоминаются вехи и даты, замыкавшие пушки, бывшие раскаты, Курьмы у Дона, в степи перекаты, все, что не забыто, что было когда-то, что в памяти нашей осталось навсегда.

Теперь вспоминаются вехи и даты, — Отметы на зеркале яропановской реки.

Теперь вспоминаются лыжные зори, Молчанье в разведке, дыхание в дозоре, Балтийское море и Черное море. Тоска по любимой и горячей горе, — Все то, что вспомнили мы в сердце своем.

Теперь вспоминаются лыжные зори и вещие слова: «Нет, мы не умрем!»

Теперь вспоминается Киев в иле, Встреченный Киев, гущий, как улей, Где же не уснуть, где мы не выдремуем, Готовы снаряды, смертельные пули, — Где в Дарнице стояла асасин,

Теперь вспоминается Киев в иле, Навечно останется в памяти он.

В июльское утро здесь звонил дышали Бегов и жадно из желтых вокзала; в теплушке мы голос ЕГО услыхали, Грязно склонясь, с раскатами, — Стала,

Он к нам обратился — и слушай народ!

Он к нам обращался, он верил нам очень, Крестьянам, солдатам, поэтам, рабочим, Кто с ним был в лодки, и в темные ночи.

Водитель, учений, мыслитель и зодчий, Он знал уже Украину и Данию.

Он к нам обращался, он верил нам очень,

И мы отвечали тем самым ему.

Ушел эшелон наш из Брикса в ма-

нежин,

Мы были все те же и будто не те же,

Как будто бы ветер осени нас свежий,

Как будто не сильнее была посессия,

Ко покоям Верлина, киртланам дагровым.

Таким же эшелоном, сквернивших пулы,

Справоры лягни, сквернивших пулы,

Ушел эшелон наш из Брикса и на

Нежин.

Таким мы запомнили этот пол!

Таким осталася наивка, надруга,

Когда мы в любите, чести и долгу,

Под градом различий, бездумных

осколков

Лежали на травах, сгоревших над

Богот.

Мы помнили голос, лыжные его,

Таким осталася наивка, надруга

У каждого в сердце, как символ всего.

Таким осталася в смоленских дубравах,

Под дымкой, но жущей нас сердце

Полтавой.

Пех Львовом, под Минском в холмах под
Варшавой, Ках

Ках городов земли Победы и Славы,

Зовущих все дальше и дальше и дальше,

Таким он остался в смоленских дубравах,

Таким его вече делает паро!

От слова в иле до майдского слова

Доброта лежала под синистром Синицовым,

Белорусской пушкой и лесом сосновым,

Ко покоям Верлина, киртланам дагровым.

Где таки, где на майде майдов,

Где в майде майдов,

